

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 372.817

Л. В. Щеглова

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» БУДУЩИМ УЧИТЕЛЯМ

Аннотация. Статья посвящена проблемам подготовки будущих учителей к преподаванию в средней общеобразовательной школе курса «Основы светской этики». По мнению автора, данный предмет призван формировать нравственное сознание, учить быть ответственными за свои поступки. Это дисциплина не ознакомительная, а практическая, требующая работы души, призванная научить детей жить в ладу с собой и окружающим миром. В рекомендациях по обучению студентов педагогических вузов делается акцент на принципиальном отказе от исключительно описательно-теоретической манеры преподавания курса этики.

Показано различие светской и религиозной этики, которое связано с особенностями морального сознания, базирующегося либо на принципе теонмии, либо на нравственной автономии личности. Сложности задачи воспитания морально автономной личности связаны с распространившейся путаницей этики и этикета, превалирующими в современной культуре пуэрилизмом и релятивизмом, насаждением культа чувственных удовольствий, инфантилизацией общества. Вскрывается внутренняя противоречивость образовательного модуля «светской этики» в построении таких тем, как «милосердие» и «нравственный идеал». Подчеркивается необходимость активной, деятельной позиции как преподавателя, так и слушателя курса «Основы светской этики» в процессе обретения нравственного опыта, дефицитного в современной цивилизации.

Ключевые слова: теонмия, моральная автономия, милосердие, безусловная любовь, пуэрилизм, нравственный идеал.

Abstract. The paper looks at the specialists training for teaching the Basics of Secular Ethics course in the secondary school. In author's opinion, the above course is entitled to develop children's moral consciousness. The subject is practical rather than descriptive, focused on the spiritual work, and teaching how to live in harmony with themselves and the surrounding world.

The author emphasizes the difference between the secular and religious ethics related to the specificity of moral consciousness - based either on the principle of personal moral autonomy or theonomy in case of the religious

ethics. The problematic task of developing the morally independent personality in the modern society is complicated by the confusion of ethics and etiquette, wide spread ideas of pluralism, relativism, infantilism and sense gratification. The challenges and inner contradictions of the given educational module are revealed in dealing with such concepts as the mercy and moral ideal. In conclusion, the author points out the significance of active positions of teachers and students alike in pursuing the Secular Ethics course.

Keywords: theonomy, moral autonomy, mercy, pluralism, absolute love, moral ideal.

Прагматическая цель введения курса «Основы светской этики» в педагогических вузах очевидна: будущим учителям необходимо усвоить методологию и методику преподавания в общем образовании модуля с аналогичным названием. Студентам, по возможности, требуется продемонстрировать принципы отбора материала и способы изложения, наметить дидактические цели и сверхзадачу соответствующей школьной дисциплины.

По нашему мнению, предмет «Основы светской этики» для школьников призван формировать у учеников нравственное сознание, воспитывать их в духе хозяев своей жизни, учить быть ответственными за свои поступки. Это дисциплина не ознакомительная, а практическая, требующая работы души, призванная научить детей жить в ладу с собой и окружающим миром.

Первая проблема, с которой мы сталкиваемся в объяснении студентам специфики дисциплины, состоит в установлении различий религиозной и нерелигиозной (т. е. светской) этики. Довольно широко распространено мнение, что вне религии существование нравственности и морального сознания невозможно. Личная нравственность человека глубочайшим образом связана со всем его мировоззрением в целом, она базируется на его представлениях о мироустройстве, о законосообразности человеческих мотивов и поступков.

Являясь существом духовным, человек, в отличие от животного, наделен совестью. Совесть – внутренний судья и мерило справедливости. Как безусловный критерий правильности поступков, совесть в любой жизненной ситуации мгновенно подсказывает, что хорошо, а что плохо, что стоит делать, а что нельзя ни в коем случае. Поскольку указания совести обладают принудительным характером, то, совершив неблагоприятный поступок, человек при-

бегают к рационализации, т. е. оправданию себя в собственных глазах с помощью логических аргументов. Поступая по совести, он обретает внутреннее спокойствие, а идя против нее, мучается угрызениями. Есть люди, которым свойственно не слушать ее голос, отмахиваться от него. Как и всеми другими качествами, совестью люди наделены в разной мере. У совестливых людей даже вынужденный проступок вызывает мучительные угрызения, которые могут преследовать в течение очень долгого времени, иногда всю жизнь, и в некоторых случаях стать причиной психических расстройств.

Различие светской и религиозной этики состоит прежде всего в том, что является источником совести в душе человека. Либо это голос Бога внутри нас, и это значит, что, поступая неблагоприятно, в противовес существующим столетиями моральным нормам, мы нарушаем божественные законы. Тогда основанием нашей нравственной жизни является *теономия*. Либо мы являемся достаточно развитыми и самостоятельными людьми, пользующимися собственным разумом, и не прибегаем к гипотезе Высшего судии. Тогда мы – автономные (самозаконные) личности, а совесть является интериоризованным (переведенным во внутренний план) коллективным сознанием – со-весть (совместное ведение, общая связь). Основой моральных представлений и поведения человека при нравственной *автономии* является глубокое осознание им своей взаимосвязи со всеми людьми, природой, со всем миром и чувство ответственности за эти взаимосвязи. Нравственная автономия становится результатом работы зрелого (взрослого) морального сознания, прошедшего длительный путь совершенствования чувств, мыслей и желаний. Тогда его отношения с миром будут основываться на знании позитивном, но не догматическом, а мотивом его нравственного выбора станет обостренное чувство единства человеческого рода.

Таким образом, светская и религиозная разновидности этики различаются в первую очередь источником морального закона, в качестве которого могут выступать Бог, общество или сама личность. Интересно, что для современных средств массовой информации, под безусловно мощным воздействием которых находятся и школьники, и студенты, существует только нормативный социальный источник совести, с которым героически (мотивируя это

справедливостью) борется «свободная личность» массового экрана. При этом девиация достигла таких пределов, что говорить об «общепринятых нормах» уже несколько нелепо, так как в различных социальных кругах нормы, что абсолютно очевидно, разные.

Следующая проблема в том, что современные студенты нередко путают светскую этику с этикетом. Возможно, это объясняется тем, что из базового школьного курса литературы (в рамках которого разбирались нравы людей) они хорошо помнят о «светском обществе». Однако в прошлом, о котором рассказывают художественные произведения классиков, понятие «светский» означало принадлежащий к аристократическим кругам и обладающий соответствующими манерами. Этика и этикет четко разграничивались, потому что считалось, что поведение человека не может быть только внешней формой. Все поступки, в том числе не одобряемые обществом, должны были быть «оправданы изнутри», соотнесены с подлинностью своей личности. Эта подлинность и была залогом того, что некоторые (конечно, не все!) антиобщественные формы поведения тем не менее оказывались ценными, и человек знал, что несет за них полную ответственность перед самим собой, своей душой или Богом. А этикет понимался как формальные правила вежливости на каждый день. Ныне же, в эпоху всеобщей пуэрилизации, эти вещи, к сожалению, слились в обыденном сознании как детей, так и взрослых. Более того, этика стала чем-то подозрительным. Знание же этикета прагматически полезно и потому одобряемо, а вот философские рассуждения на темы совести и ответственности лишь мешают «свободному» человеку, которому постоянно внушается, что действовать нужно спонтанно, не обременяя себя рассуждениями.

Для того чтобы образовательная дисциплина «Основы светской этики» способствовала облагораживанию человека, одной из ее главных задач должно стать воспитание с точки зрения морали таких чувств, как любовь, честность, порядочность, великодушие, сострадание, сочувствие. За каждым из этих понятий должны стоять определенные образы, и связанные с ними собственные субъективные переживания.

Множество современных авторов настаивают на том, что подлинное счастье людям может принести только бескорыстная жизнь, жизнь сердцем, которая зиждется на безусловной любви,

заботе о ближних и милосердии. Однако многочисленные жизненные наблюдения свидетельствуют, как трудно на практике проявлять милосердие. Показательные рассуждения на эту тему находим в статье Д. Гранина «Потерянное милосердие», где знаменитый прозаик описал свой собственный опыт по созданию в Ленинграде 80-х гг. XX в. общества, занимающегося поддержкой беспомощных, попавших в беду людей. Общество состояло исключительно из волонтеров, которые работали бесплатно в свободное время. Писатель рассуждает о способности человека светского, мирского морального сознания к деятельному милосердию: «Я полагал, что религиозность отнюдь не обязательное условие, что можно заниматься милосердием с полной самоотдачей во имя блага людей, находя удовлетворение в их признательности и т. д. Подтверждением тому для меня было поведение людей в годы блокады. Деятельное милосердие должно быть свойственно нормальному человеку. Оно осуществлялось в военных условиях не во имя Бога, а во имя человека. Тогда для меня было ясно, что милосердием могут с тем же успехом заниматься и атеисты... Много позже я понял свою самонадеянность неопфита...» [3].

«Истинное милосердие идет от сердца к сердцу», но, как сказал один поэт, сердце может устать, «как ворон в большой ураган». И тогда необходимость делать каждодневные усилия будет опираться уже не на чувства, не на эмоции, а на силу духа и в волевом, и в энергетическом отношении. «Некоторые молодые ребята, – пишет Д. Гранин, – побывав в больницах, в домах престарелых, горячо брались за дело, но их хватало только на два – три посещения. Эмоциональный заряд быстро иссякал» [3]. Волонтеры «Общества милосердия» часто сталкивались с неблагодарностью и не находили в себе духовных сил, чтобы превозмочь это проявление эгоизма, отсутствие энергетического обмена.

Милосердие подразумевает как духовную силу, так и определенную социальную зрелость. Жестокий и сентиментальный современный субъект массовой культуры помогает только тому, кто симпатичен, кого есть «за что любить», и с трудом приемлет идею анонимного милосердия, поскольку рассчитывает, пусть часто неосознанно, на внешнюю оценку своей деятельности, на славу или на благодарность. Но истинным милосердием, конечно же, не движет желание славы или ожидание благодарности – оно беско-

рыстно. Почему в военное время, по свидетельству многих очевидцев, милосердие не было селективным (избирательным) и сентиментальным? Вероятно, люди в блокадном городе были слабее физически, но духовно – сильнее, их поддерживала вера в общую победу.

Преимущество религиозного морального сознания над мирским в отношении деятельного милосердия подтверждается каждодневной практикой. Верующему человеку нравственные решения приходят через озарение: он слышит внутренний голос, голос совести, и он знает источник этого голоса. Верующий не сомневается, что верховный идеал даст ему всякий раз конкретное указание на то, что он должен сделать, а также пошлет и необходимые для этого силы.

Как это ни удивительно, но помощь людям не должна основываться только на чувствах, прежде всего из-за того, что они не абсолютны. В организации нашей жизни мы не должны зависеть от случайных эмоций друг друга. Люди быстро разочаровываются в деятельном милосердии потому, что, как правило, убеждены, будто оно должно быть основано на чувстве любви или хотя бы симпатии к подопечным. Между тем давно известно, что любовь – это не состояние чувств, а скорее состояние воли. Проповедуя равное, неизбирательное отношение к любому объекту милосердия, религия культивирует желание добра всем без изъятия и прививает понимание любви как принципа мироустройства. С христианской позиции это поясняет Клайв Льюис: «Мирянин к некоторым людям относится хорошо, потому что они ему нравятся, а христианин, стараясь быть добрым ко всем, постепенно обнаруживает, что люди нравятся ему все больше и больше – даже те, расположение к которым раньше казалось ему невыносимым» [4, с. 132]. Собственно так же строится любовь не только к людям, но и к Богу. «Им сказано, что мы должны любить Бога, но они не могут найти в себе подобного чувства. Как им быть? Ответ тот же: поступайте так, как будто вы любите. Не пытайтесь насильно выжимать из себя эти чувства, спросите себя: если бы я был уверен, что люблю Бога, как бы я поступил? Найдя ответ, идите и исполняйте» [4, с. 133].

Еще отчетливее это выражено в современных версиях индуистской религиозной традиции. «Вся Вселенная слагается из бесконечного океана любви. Эта бесконечная любовь проявляется в ма-

териальном мире как человеческая любовь. Когда в материальном мире эта бесконечная любовь разбивается и ограничивается чем-то меньшим, чем целый мир, – скажем, к семье, друзьям и даже к соседям, но не к каждому живому существу и объекту как расширение одного Единого целого, – тогда такая любовь называется ограниченной или человеческой любовью. Ограниченная любовь всегда действует совместно со своей противоположностью – ненавистью. В безграничной любви, реализации Бога душой – нет ненависти», – утверждает Вишнудевананда Свами в книге «Полное иллюстрированное руководство по йоге» [2, с. 92].

Распространению и усвоению подобных представлений противоположен главный вектор современной светской культуры, состоящий в развитии и эксплуатации идеи телесности. Акцент на теле в ущерб душе и духу приводит к тому, что чувственные удовольствия выступают в качестве цели человеческой жизни. Сегодня центром внимания подросткового сознания становятся здоровье, спорт, секс, все виды эстетизации и украшения тела. Экран кинотеатра, телевизора или монитора дает многочисленные образцы для подражания: фотомодели, артисты, шоумены, спортсмены. В таком культурном контексте да еще с учетом царящего в мире морального релятивизма (предельной относительности всех ценностей) становится очень трудно, почти невозможно корректно объяснить, преподавая светскую этику, что есть нравственный идеал.

Так, на страницах учебного пособия А. Я. Данилюк «Основы религиозных культур и светской этики» для 4–5-х классов общеобразовательных учреждений в качестве нравственного идеала представлены личности Александра Невского, былинных богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича (известная картина В. Васнецова), а также хоккейного вратаря Владислава Третьяка и выступающего в цирке с силовыми упражнениями Валентина Дикуля. Если предание о князе отсылает к рыцарскому идеалу, а богатыри, очевидно, поддерживают моральную ценность патриотизма, то два последних персонажа вызывают вопросы.

Следующая глава учебника, посвященная нравственному идеалу, предлагает в качестве образцов английских джентльмена (вариант для мальчиков) и леди (вариант для девочек). Стремление воспитать аристократические манеры само по себе превосходно,

но почему же только с формальной стороны, со стороны этикетных норм и требований? Этикет регулирует внешние проявления человека, практически не затрагивая их нравственного содержания. Мы здесь усматриваем уже осуществившийся переход от этики добродетелей, нацеленной на развитие высших человеческих качеств, к институциональной этике, в которой поведение человека строится в зависимости от социальных обстоятельств.

То, как мы преподаем этику, имея целью развитие нравственного потенциала личности, в идеале должно быть когерентно социокультурному контексту. Полнота и неискаженность восприятия этических норм и правил требует нравственной зрелости социального субъекта. Между тем культурологи еще во времена Й. Хейзинги¹ отмечали нарастание в мире такого явления как пурризм. Этим термином исследователи попытались охватить целый ряд сомнительных явлений в жизни современного им общества, имея в виду, что «человек сегодня, прежде всего в качестве члена того или иного организованного коллектива, ведет себя как бы по мерке отроческого или юношеского возраста... Состояние духа незрелого юнца, не связанное воспитанием, формой и традицией, в каждой области тщится получить перевес и слишком хорошо в этом преуспевает» [5, с. 231–232].

Оказалось, что развитие цивилизации и распространение разного рода «свобод» таит много подводных камней. Стоило технике облегчить нашу природную жизнь, а демократии – социальную, и принцип реальности заместился принципом удовольствия. Культура как способ духовного общения и освоения мира крайне инфантилизировалась.

Еще раз подчеркнем, моральная автономия требует зрелого рассудка. И только к нему можно апеллировать, преподавая светскую этику, без риска утонуть в океане относительных ценностей. Если мы хотим вести на своих занятиях не бесконечные безрезультатные споры по вопросам так называемой прикладной этики (о смертной казни, эвтаназии, клонировании, абортах и т. д.), а действительно показать возможность внерелигиозной нравственности, основанной на фундаментальных философских и обще-

¹ Йохан Хейзинга (Johan Huizinga, 1872–1945) – нидерландский философ, историк, исследователь культуры, профессор Гронингенского (1905–1915) и Лейденского (1915–1940) университетов.

человеческих ценностях, необходимо вернуться к идее мудрости, которая предполагает точность слова или поступка и опирается на ощущение континуальности жизни. Мудрость не устанавливает законы и правила, как разум, но позволяет разрешать каждую ситуацию уникальным образом. Человек «в каждый момент подвержен искушениям, заблуждениям, устремлениям, которые выходят за пределы его реальных возможностей, борьбе и конфликтам с себе подобными и со средой, в которой он живет. И как раз от всех этих опасностей его должна была бы оградить мудрость, открывая ему вещи такими, какие они есть, предостерегая его от вредных поступков, усиливая ту свободу, которая делает его способным выбирать и которая поэтому является самым явным знаком отличающего его достоинства» [1, с. 19].

Таким образом, курс «Основы светской этики» должен стать посредником в понимании обучающимся человеком себя самого и других людей, в осмыслении важных жизненных шагов. Он призван вновь и вновь приводить нас к осознанию того, как многообразно люди связаны друг с другом и как серьезно все зависит от каждого, а каждый от всех.

Литература

1. Аббаньяно Н. Мудрость жизни / пер. с итал. А. Л. Зорина. СПб.: Алетейя, 1996.
2. Вишнудевананда Свами «Полное иллюстрированное руководство по йоге». Выдержки из книги // Благодарение с любовью. 2012. № 5. С. 86–92.
3. Гранин Д. Потерянное милосердие // Тайный знак Петербурга. СПб.: Logos, 2000. С. 177–233.
4. Льюис К. С. Просто христианство. Чикаго: SGP, 1990.
5. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс; Академия, 1992.